

Д.В. Ефременко, А.Ю. Долгов

Библиотеки на этапе перехода из «галактики Гуттенберга» в «галактику Интернет». Аналитический обзор

Ефременко Дмитрий Валерьевич – доктор политических наук, заместитель директора по научной работе. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Российская Федерация, 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; e-mail: efdv@mail.ru

Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Российская Федерация, 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; e-mail: dolgovalexandr@yandex.ru

В обзоре рассматриваются функциональная трансформация и переосмысление миссии библиотек в условиях социальных изменений современности и развития информационно-коммуникационных технологий. Обсуждается специфика научных библиотек, которые преобразуются в многофункциональные научно-информационные центры. В обзоре показано, что, с одной стороны, традиционная роль библиотек как «хранилищ знания» дополняется задачами защиты прав и создания пространства для публичной жизни, с другой – библиотеки становятся значимыми акторами пространства цифровой коммуникации. Таким образом, стремясь соответствовать актуальным запросам времени, библиотеки разрабатывают и предоставляют новые цифровые сервисы, меняют свое пространство, делая его более открытым для публичной жизни, ориентируются на социальную инклюзию и даже выступают в роли защитников гражданских прав и свобод. Эти процессы и сама библиотека как социокультурный феномен могут быть рассмотрены в различных теоретических ракурсах. Поскольку деятельность библиотек затрагивает социальные, цифровые и физические аспекты взаимодействия людей и объектов, предполагается, что в перспективе библиотеки могут быть описаны как социокиберфизические системы.

Ключевые слова: библиотека, сеть, Интернет, доступ к информации, публичное пространство, инклюзия, права человека

Библиотека – один из важнейших институтов социальной памяти человечества. Возникший в эпоху рукописной культуры, прошедший через глубокие трансформации в эпоху Нового времени, когда изобретение Гутенберга сделало возможной массовую воспроизводимость текстов, сейчас, с наступлением эпохи Интернета, он оказался на своеобразном перепутье – смириться с постепенной утратой прежнего статуса хранилища знаний и культурного наследия либо найти новую нишу в сетевом социуме. Опыт развитых стран показывает, что библиотеки способны успешно следовать по второму пути. Так, по результатам исследования, проведенного компанией «Gallup» в конце декабря 2019 г., посещение библиотек оказалось самым популярным видом культурного досуга в США (в среднем каждый американец посетил библиотеку 10,5 раза за год, а в кино сходил 5,3 раза). Востребованность библиотек объясняется исследователями бесплатными услугами и обеспечением доступа к различным сервисам, в том числе предоставлением Wi-Fi [Mccarthy, 2020, web].

Масштаб связанных друг с другом технологических и социальных изменений сегодня является поистине беспрецедентным. Появление и победоносное шествие Интернета стало в полном смысле переломным моментом – была создана «сеть сетей», обретшая в своем развитии новое качество: будучи первоначально сетью связанных друг с другом гипертекстовых документов и данных, Интернет превратился в дальнейшем в систему, облегчающую и даже иницилирующую социальное сетевое структурирование [Hall, 2011]. Поскольку Интернет и в особенности Web 2.0 способствуют социальным трансформациям, то, в самом деле, появляется все больше оснований говорить о сетевом социуме, где социальное сопрягается с материальным, смысловое – с протяженным, темпоральное – с пространственным [Вахштайн, 2005, с. 101].

Традиционно основной задачей публичных и научных библиотек считается хранение информации на различных носителях и предоставление к ней общего доступа. Несомненно, однако, что библиотеки порождают множество различных социальных эффектов, будучи, с одной стороны, вписанными в определенный социальный контекст, а с другой – оказывая влияние на него своей деятельностью. Эти эффекты и сама библиотека как социокультурный феномен могут быть рассмотрены в различных философских и социально-теоретических ракурсах. В частности, весьма перспективным оказывается взгляд на библиотеку как на социобиотехническую систему [Яницкий, 2016; Ефременко, Яницкий, Ермолаева, 2019] или – с позиций акторно- сетевого подхода – как на гибридный объект, являющийся культурным артефактом, в котором биофизические и культурные качества неразрывно переплетены [Latour, 1991, p. 103–131]. Если же принять во внимание, что библиотека – это в первую очередь феномен городской культуры, то еще больше возможностей открывает междисциплинарное изучение метаболических взаимодействий между социальными, природными, техническими и информационными компонентами современного города. Привлекательность данного подхода заключается в рассмотрении сложных обменных процессов между городскими системами, переходов одних процессов и вещей в другие, взаимовлияния их друг на друга, а также в анализе и учете невидимых последствий таких переходов и трансформаций для

разных групп городского населения [Gandy, 2004]. В то же время далеко не исчерпан потенциал других подходов, включая и теорию публичной сферы Юргена Хабермаса.

В данном обзоре мы хотим сфокусировать внимание преимущественно на результатах нескольких эмпирических исследований, которые, на наш взгляд, позволяют выявить ряд важных тенденций в функциональной трансформации и переосмыслении миссии современных библиотек. Фиксация этих изменений важна сама по себе, но она также формирует основу и для более углубленного социально-философского анализа.

Улла Папе (Бременский университет, Германия) и Анастасия Смирнова (Институт «Стрелка», НИУ «Высшая школа экономики», Москва) исследуют связь реформы московских библиотек с состоянием гражданского общества и публичной сферой в России [Pape, Smirnova, 2018]. Авторы отмечают, что большинство исследований гражданского общества не затрагивают проблематику публичной сферы и чаще всего сосредоточены на изучении организаций (фондов или неправительственных организаций). Из-за этого «организационного» фокуса незамеченными остаются многие пространства публичной сферы, которые являются действующими площадками открытых общественных обсуждений [Ibid., p. 773].

В своем исследовании авторы опираются на концептуализацию публичной сферы Юргена Хабермаса [Habermas, 1989]. В их понимании «публичная жизнь охватывает все гражданские действия, которые разворачиваются в публичной сфере, тогда как публичное пространство относится к своему пространственному измерению, например, к пространству, где граждане собираются вместе» [Pape, Smirnova, 2018, p. 773]. Публичная сфера является частью гражданского общества [Ibid., p. 776]. Авторы констатируют, что в последние годы в Москве значительно возросло количество гражданских инициатив в городском пространстве, и приводят в качестве примера оживленную городскую жизнь в кафе, театрах, самоорганизованные выступления, дискуссионные клубы, молодежные мероприятия и т. д. Однако многие из этих инициатив носят коммерческий характер. В целом в России, как отмечают У. Папе и А. Смирнова, публичная жизнь представляет собой смесь публичных, коммерческих и гражданских институтов [Ibid.]. Для анализа публичной сферы современной России авторы фокусируют свое внимание на системе городских библиотек Москвы.

После того как СССР прекратил свое существование, в Москве продолжила функционировать сеть из 448 публичных библиотек, почти полностью в своем финансировании зависящих от городского бюджета. На протяжении более чем 25 лет после распада Советского Союза эти библиотеки работали без каких-либо серьезных изменений, пока в 2012 г. независимая группа интеллектуалов, архитекторов и урбанистов не выступила с инициативой их реформирования¹. Основной целью изменений было сделать библиотеки более доступными и привлекательными для общественности. Предложенный

¹ Проект был инициирован группой архитекторов и градостроителей голландско-российской компании «SVESMI» и основателем московского книжного магазина «Фаланстер» Борисом Куприяновым.

инициативной группой проект реструктуризации публичных библиотек Москвы был поддержан городским департаментом культуры, который на тот момент возглавлял Сергей Капков [Pape, Smirnova, 2018, p. 774].

Эмпирическую основу исследования составил анализ документов и интервью с различными стейкхолдерами, участвующими в проекте реформирования библиотек. В период с октября 2015 г. по октябрь 2016 г. авторы провели три углубленных полуструктурированных интервью с лицами, принимающими решения. Описание процесса изменения библиотек в основном опиралось на исследование программных документов реформирования Библиотеки им. Ф.М. Достоевского и Библиотеки «Перспектив», вошедших в пилотную часть проекта. Рассматривая восприятие реформы пользователями, авторы проанализировали онлайн-статьи и сообщения в социальных сетях [Ibid., p. 775].

Одна из основных проблем, с которой сталкиваются сегодня публичные библиотеки, связана с тем, что им приходится постоянно обосновывать необходимость своего финансирования из государственного бюджета и объяснять свою социальную ценность («проблема цели», по Майклу Виддерсхайму) [Widdersheim, 2015, цит. по: Pape, Smirnova, 2018, p. 775]. Таким образом, трансформацию библиотек можно рассматривать как ответ на вызовы современности, такие как цифровизация, коммерциализация общественных благ, позиционирование себя как востребованных культурных институтов [Pape, Smirnova, 2018].

В концепции Хабермаса публичная сфера отличается как от публичной власти, так и от частной гражданской сферы, выполняя посредническую функцию между государством и гражданами. Она предоставляет арену обсуждения важных общественных вопросов и формирования общественного мнения. Через публичные дебаты граждане реализуют свое гражданство и отстаивают различные потребности [Habermas, 1989, p. 27, цит. по: Pape, Smirnova, 2018]. Одна из угроз для публичной сферы состоит в том, что публичные дискурсы могут быть коммерциализованы и поставлены в подчиненное положение властвующим элитам. Эта проблема свойственна российской публичной сфере, которая в условиях слабых демократических институтов и традиций вынуждена искать свое место под солнцем.

Публичные библиотеки, по мнению ряда исследователей, выполняют функции публичной сферы, из которых наиболее важная – поддержка социальной инклюзии [Holt, Holt, 2010; Ingraham, 2015]. Публичные библиотеки гарантируют, что все граждане могут участвовать в публичной сфере и иметь равный доступ к знаниям [Pape, Smirnova, 2018, p. 777]. Нэнси Кранич, изучив функции публичных библиотек в США, определила семь основных ролей, в которых они выступают: 1) гражданское пространство; 2) инструмент обеспечения гражданской грамотности; 3) публичный форум и катализатор обсуждения; 4) гражданский информационный центр; 5) читальный зал для всего сообщества; 6) партнер по общественным услугам; 7) сервисный учебный центр [Kranich, 2012, цит. по: Pape, Smirnova, 2018, p. 778].

Конкурентами библиотек по выполнению функций публичной сферы стало увеличивающееся число коммерческих институтов, предоставляющих различные виды услуг (кафе, книжные магазины и т. д.). Папе и Смирнова характеризуют этот процесс как неолиберальную коммодификацию общественного

пространства [Pape, Smirnova, 2018, p. 778]. Также они отмечают, что весомым фактором в утере библиотеками первенства в предоставлении информации стало развитие Интернета.

Для понимания реформы библиотек в Москве авторы используют концептуальную рамку, предложенную М. Виддерсхаймом. Она предполагает рассмотрение трех взаимосвязанных измерений: 1) *управления* (governance), характеризующего институциональную структуру библиотеки, которая должна служить общественным ценностям и интересам; 2) *легитимации*, включающей все аспекты придания законной силы действиям пользователей библиотеки, государственного сектора и других стейкхолдеров; 3) *общественного блага* (commons), относящегося к публичной цели библиотеки, которая делится информацией и культурно-развлекательной программой со всеми членами общества [Widdersheim, 2015, цит. по: Pape, Smirnova, 2018, p. 779].

В СССР библиотеки играли не только образовательно-просветительскую, но и идеологическую роль, направляя читателя к «правильным» материалам и не допуская его до «неправильных». Библиотекари в этих условиях выполняли функции охранителей, отвечающих за защиту книгохранилища от посторонних глаз. Как отмечают авторы, ограничения и информационный контроль были также отражены в архитектуре и организации публичных библиотек в СССР. Так, читальный зал и книгохранилище были строго разделены, а читательский билет можно было получить только с пропиской в районе, в котором находилась библиотека [Ibid., p. 780]. Эта ситуация закрытости стала меняться только в годы перестройки.

После распада СССР и упразднения политической и идеологической монополии КПСС библиотеки перестали рассматриваться как институты, выполняющие сугубо идеологические функции, и стали восприниматься как поставщики информации для общестественности, что стимулировало библиотеки меняться – использовать электронные ресурсы, развивать образовательные программы и т. п. Главной проблемой этого этапа стало резкое сокращение финансирования. Если в годы советского градостроительства в каждом районе обязательно была своя библиотека, то в постсоветский период из-за финансовых трудностей многие из них закрылись, а сохранившиеся в значительной степени утратили свою образовательную и культурную роль и потеряли свою читательскую аудиторию [Ibid.].

Инициативная группа, предложившая план реформирования московских библиотек, исходила из необходимости сохранения уникального культурного наследия, соединенного с современными социальными инновациями города. Кроме того, они видели своей задачей создание мест встреч и обсуждений для местных сообществ [Ibid., p. 785]. Для администрации города проект был привлекателен тем, что обещал решить проблемы сокращения посещаемости и низкой эффективности библиотек. Для городских властей приоритетными были финансовые соображения, хотя имиджевая сторона вопроса также представляла интерес.

Реформирование предполагало применение комплексного подхода к преобразованию библиотек. Изменения затрагивали как протоколы обслуживания (например, внедрение более гибкого графика работы и использование в деятельности библиотек социальных сетей), так и стратегии закупки литературы,

предоставление дополнительных услуг и реконструкцию стиля библиотечно-го пространства (создание современного открытого дизайна). Реализация пилотных проектов была признана успешной. Так, посещаемость Библиотеки им. Ф.М. Достоевского увеличилась с 50 посетителей в день осенью 2012 г. до 380 посетителей в день в феврале 2014 г. [Pape, Smirnova, 2018, p. 787]. Специально оборудованное пространство позволяло проводить в библиотеках лекции, дебаты, кинопоказы, устраивать языковые курсы и обучающие семинары для детей и взрослых. Авторы отмечают, что обновленное пространственное устройство способствовало возникновению новых способов социального взаимодействия как между посетителями, так и между посетителями и библиотекарями [Ibid., p. 788]. Однако некоторые библиотекари настороженно или даже критично встретили нововведения, продолжая, по словам одного из информантов исследования, в «старом стиле очень бережно относиться к библиотечным фондам», «часто создавая барьер между книгами и посетителями», поэтому команда проекта приложила много усилий, чтобы привлечь сотрудников к «более открытой библиотечной культуре» [Ibid., p. 789].

Но несмотря на успехи проекта, поддержка со стороны администрации была прекращена, и в 2014–2015 гг. его реализация постепенно остановилась. В это время сильно изменился внутренний политический контекст, произошли значимые события на международной арене.

Рассматривая результаты реформирования с точки зрения трех описанных выше измерений, авторы отмечают, что библиотеки, безусловно, превратились в культурное достояние, обогащающее жизнь города (*общественное благо*). С точки зрения *управления* были сделаны важные шаги в сторону повышения прозрачности и эффективности работы библиотек, однако это направление не достигло итоговой цели, поскольку, например, не был разработан и утвержден официальный документ, регламентирующий вопросы контроля за расходованием финансовых ресурсов библиотек. Неуспех реализации проекта больше всего связан с его неудавшейся *легитимацией*. Как только лицо, принимающее решение и поддерживающее проект (С. Капков), покинуло политическую сцену, реформа сразу же заглохла, не имея больше легитимации на уровне городской власти. По мнению У. Папе и А. Смирновой, недостаток легитимации также свидетельствует об отсутствии доверия со стороны властей к жителям города. Создание свободного пространства для обсуждения больше не входило в повестку дня городской администрации, так как это могло нести для нее риск гражданской активности, находящейся вне контроля [Ibid., p. 793]. Несмотря на подчеркивание организаторами реформы «нейтральности» своего проекта, он вызвал определенную настороженность городской администрации, поскольку подразумевал создание пространства для публичных встреч и дискуссий [Ibid., p. 784].

Для развития публичной сферы России, заключают У. Папе и А. Смирнова, наследие проекта библиотечной реформы амбивалентно. С одной стороны, проект доказал, что создание новых публичных пространств в Москве возможно. С другой стороны, реформа показала, что публичная сфера в современной России ограничена, поскольку она не может развиваться за пределами культурно-нишевой инициативы. Для теории публичной сферы это

означает, что политический контекст является важнейшим условием, которое необходимо учитывать для понимания возникновения публичной сферы [Pape, Smirnova, 2018, p. 795].

На Западе публичные библиотеки в соответствии с политическим контекстом меняются, ориентируясь на принципы равных прав и свободы. В статье «Практики предоставления убежища в скандинавских транснациональных городах: на примере публичных библиотек» Анна Лундберг (Линчёпингский университет, Швеция) и Лиза Дальквист (Лундский университет, Швеция) анализируют новую роль публичных библиотек в транснациональном городе, которые открывают свое пространство для нелегальных мигрантов [Lundberg, Dahlquist, 2018]. Публичные библиотеки, таким образом, становятся уже не просто местом для использования книг, но и защищенным общественным пространством, в котором гарантируются права на свободный доступ к информации и свободу самовыражения. А. Лундберг и Л. Дальквист рассматривают, как в рамках государства в противовес режиму депортации происходит возникновение прав нелегальных мигрантов. Основное внимание в статье уделяется городской библиотеке Мальмё. Этот город расположен на юге Швеции на границе с Данией и является крупнейшей точкой сосредоточения мигрантов в Скандинавии. В 2013 г. Комитет по культуре Мальмё инициировал открытие нелегальным мигрантам, ожидающим высылки из страны, доступа ко всем библиотечным услугам в целях обеспечения равного и бесплатного пользования информацией [Ibid., p. 143].

Ситуация в Мальмё сравнивается с положением библиотек Копенгагена (Дания) и Осло (Норвегия). Все три города, по мнению авторов, объединены «скандинавскими ценностями», под которыми понимаются сильная система социального обеспечения, регулируемый рынок труда и либеральная ориентированность. Однако есть и существенные отличия: например, в Дании действует более строгое законодательство в отношении мигрантов, а Швеция и Норвегия в последние годы показали сильную ориентированность на расширение социальных гарантий нелегальных мигрантов [Ibid., p. 143–144].

Исследование авторов основано на нескольких предыдущих проектах по изучению прав человека и нелегальной миграции в 2014–2016 гг. Один из авторов провела опрос среди библиотекарей Копенгагена, Мальмё и Осло по электронной почте. Вторая исследовательница изучила национальное законодательство, посвященное определению миссии библиотек в Скандинавии. Ею также была проведена этнографическая работа в нескольких публичных библиотеках. В дополнение ко всему перечисленному эмпирические материалы были получены из решений административного суда по делам, связанным с правом нелегальных мигрантов пользоваться публичными библиотеками в Мальмё [Ibid., 2018, p. 145].

Авторы статьи отмечают, что общий пункт исследований нелегальной миграции – фокус на «верховой власти» (sovereign), принимающей решение о контроле над миграцией [см., например: Jørgensen (ed.), 2010; Watters, 2008, цит. по: Lundberg, Dahlquist, 2018]. Так, Натали Пеутц и Николас де Женова использовали в своей работе термин «депортация», понимая под ней неоспоримый ресурс администрации, которая таким способом верифицирует и подтверждает государственный суверенитет. Депортация одновременно является

унифицированной и глобальной реакцией на мир, меняющийся из-за транснациональной мобильности [De Genova, Peutz, 2010, p. 2, цит. по: Lundberg, Dahlquist, 2018, p. 146]. В исследованиях также возникло направление критики режима депортации. Например, Кэролайн Пациас и Настасья Уильямс обосновывают тезис о том, что помощь нелегальным мигрантам есть не нарушение закона, а скорее политическое обязательство [Patsias, Williams, 2014, p. 176, цит. по: Lundberg, Dahlquist, 2018, p. 146]. Практика предоставления убежища мигрантам исследовалась как пример законного действия, сетей солидарности и запроса на справедливость, объясняющего «урбанизацию прав человека» [Darling, 2016, p. 123, цит. по: Lundberg, Dahlquist, 2018, p. 146]. Таким образом, инициативы по предоставлению мигрантам убежища можно рассматривать в качестве вызова суверенному государству в контексте появления новых форм прав и городских форм гражданства [Ibid., p. 147].

Для А. Лундберг и Л. Дальквист права человека в рамках инициатив по предоставлению убежища оказываются формой локальной практики защиты прав человека в городе. Публичные библиотеки в таком случае играют социальную роль как места встречи сообщества и, по мнению авторов, могут быть концептуализированы как открытые пространства для усиления социальной сплоченности. Библиотеки могут выступать в качестве защищенных трансграничных мест встречи людей независимо от их правового статуса и открытых пространств для защиты прав [Ibid., p. 148].

Концепция публичной библиотеки (как и школы, университета, музея) исторически тесно связана с понятием публичной сферы, которая основана на идее свободного и открытого для всех пространства. Это место, где граждане могут обмениваться мнениями, участвовать в публичных обсуждениях и получать доступ к информации [Ibid., p. 149]. Принцип равного доступа для всех зафиксирован в «Манифесте публичных библиотек» ЮНЕСКО [IFLA/UNESCO public library manifesto, 1994]. Схожие демократические принципы работы публичных библиотек декларируются в законодательстве Скандинавских стран.

Решение Комитета по культуре Мальмё 2013 г. предоставить гарантированный доступ к библиотечным ресурсам нелегальным мигрантам встраивалось в логику обеспечения равного доступа для всех людей. В случае с нелегальными мигрантами, чтобы защитить их от полиции, была придумана специальная процедура регистрации. В библиотечной карточке обязательно было указывать постоянный адрес проживания пользователя, достаточно было предоставить адрес электронной почты. Часть жителей Мальмё поддержала новую политику, другая выступила резко против – организовывались протесты и обращения в суд. Среди основных рисков такого решения критики называли высокую долю невозврата книг, небрежность пользования, мошенничество. Однако библиотечное сообщество оценило эти риски как издержки, которые необходимо взять на себя для обеспечения политики всеобщего равного доступа к информации [Ibid., p. 151]. Подобная практика регистрации нелегальных мигрантов в библиотеках была принята также в Стокгольме и Осло.

По-другому дела обстояли в библиотеках Дании. Здесь регистрация в библиотеках всё также была недоступна для лиц без гражданства. Авторы связывают это с тем, что в Дании регистрация в библиотеке обязательно предписывает

предъявление карточки медицинского страхования, которая есть только у граждан этой страны [Lundberg, Dahlquist, 2018, p. 151].

По мнению авторов, когда публичные библиотеки в шведских и норвежских городах открыли свои услуги для нелегальных мигрантов и защитили этих «депортируемых» от государственного контроля за миграцией, они также сделали нечто большее, а именно защитили библиотеку как публичное учреждение от участия в работе механизма депортации. Это показало, что общественные институты, если они выступают гарантами предоставления убежища более или менее осознанно, противоречат тоталитарному социальному развитию [Ibid., p. 154].

Реализация принципов равного доступа, публичности и открытости в библиотеках западных стран сталкивается и с другими серьезными проблемами. Одна из них связана с использованием услугами библиотек людьми с инвалидностью. Исследовательницы из Университета Южной Австралии Джоан Кэдинг, Дайан Л. Веласкес и Дебора Прайс рассмотрели перспективы доступа и инклюзии детей с ограниченными возможностями и их семей в публичных библиотеках [Kaeding, Velasquez, Price, 2017]. Авторы ставят перед собой следующие вопросы: с какими проблемами доступности и инклюзивности сталкиваются дети-инвалиды и их семьи, посещающие публичную библиотеку? как сотрудники библиотеки видят эти проблемы? почему лишь небольшое число публичных библиотек уделяют внимание доступности и инклюзии детей с ограниченными возможностями и их семей? что могут сделать публичные библиотеки для расширения доступности и инклюзии детей-инвалидов и их семей? [Ibid., p. 100].

Итогом исследования коллектива из Университета Южной Австралии стала разработка модели инклюзивной библиотеки. Открытость и доступность для каждого – фундаментальный принцип работы публичных библиотек. История их развития демонстрирует ориентированность на инклюзивность, которая достигается через предоставление книг в разных форматах, включая аудио- и электронные книги, оборудование помещений пандусами, лифтами, столами для инвалидов колясок и т. п. Но на практике с соблюдением принципов доступности и инклюзивности очень часто возникают трудности. Это хорошо видно на примере с детьми с ограниченными возможностями и их сопровождающими. Ребенку может быть не комфортно в библиотеке, а его родители могут испытывать неловкость и неудобство перед другими посетителями или перед сотрудниками библиотеки, что может привести к решению поскорее уйти оттуда [Ibid.].

В обзоре Хизер Хилл, посвященном проблематике доступности библиотек для людей с ограниченными возможностями (198 опубликованных статей в области библиотечковедения и наук об информации), показано, что основное внимание направлено на изучение электронного доступа (25 % работ) и лишь в 12 % работ рассматривался вопрос доступности библиотек для людей с инвалидностью [Hill, 2013, цит. по: Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 97]. Таким образом, наблюдается недостаток работ о социальных аспектах инвалидности и о том, как люди с ограниченными возможностями пользуются услугами библиотек. Те авторы, которые все же обращались к данной теме, чаще всего рассматривали проблемы людей с нарушением зрения и слуха,

другие виды нарушений рассматриваются намного реже [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 97].

В работе Рут Смолл и ее коллег отмечается, что публичные библиотеки продвинулись дальше других библиотек в решении вопроса доступности и инклюзивности [Small, Myhill, Herring-Harrington, 2015, цит. по: Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 97]. Однако в центре внимания публичных библиотек были физическая доступность и использование различных форматов информационно-библиотечных ресурсов. Исследователи также выявили четыре основных препятствия для доступа к библиотекам: нехватка времени и денег; решения, принятые без контроля со стороны библиотек (например, строительство зданий); постоянные пользователи, не знающие о доступных и инклюзивных ресурсах и услугах; библиотекари, не владеющие необходимыми знаниями, навыками и подходами к работе [Kaeding, Velasquez, Price, 2017].

Важное направление исследований в этой области изучение роли информационных технологий и Интернета, с помощью которых повышается уровень доступности к источникам информации для людей с ограниченными возможностями. Но проблема эффективности доступа возникает и в этих ситуациях. Это касается качества составления электронных коллекций библиотекарями или доступности веб-страниц на сайтах библиотек.

В своей работе Дж. Кэдинг, Д.Л. Веласкес и Д. Прайс используют следующие основные понятия.

- *Дети с ограниченными возможностями* – дети в возрасте до 18 лет, имеющие «долговременные физические, психические, интеллектуальные или сенсорные нарушения, которые при взаимодействии с различными барьерами могут испытывать затруднения в полном и эффективном участии в жизни общества наравне с другими» [Children and young people, 2013, цит. по: Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 98–99].
- *Доступность* – физическая, интеллектуальная, сенсорная, эмоциональная и психологическая доступность. Публичная библиотека доступна в случае, если у посетителей есть возможность как физически присутствовать в ней, так и осмысленно участвовать в процессах.
- *Под семьями детей с ограниченными возможностями* понимаются как члены ближайшей и расширенной семьи (родители, бабушки и дедушки, братья и сестры, тети и дяди), так и опекуны, сопровождающие, медицинские или социальные работники.
- *Универсальный дизайн* – «дизайн предметов и окружающей обстановки, максимально удобной в использовании всеми людьми без необходимости переделывания или специального проектирования» [The principles of universal design, 1997, цит. по: Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 98–99].

Авторы использовали смешанный метод исследования: они провели полуструктурированные интервью, а также попросили 18 библиотечных работников из США и Канады, имеющих опыт предоставления доступа детям с ограниченными возможностями, заполнить онлайн-опросник. Интервью состояло из 9 открытых вопросов, а онлайн-анкета – из 41. Для отбора участников использовалась целевая выборка: у информантов обязательно должен был быть опыт инклюзивной работы в библиотеках. Ключевыми темами опросника

были демографические характеристики посетителей библиотек; доступность и инклюзивность библиотечных услуг; препятствия библиотек, возникающие перед детьми с ограниченными возможностями; планы библиотек по улучшению доступности и инклюзивности и т. д.

В интервью информанты рассказали о следующих решениях, которые предпринимаются в их библиотеках для улучшения доступности: обучение сотрудников, специальные библиотечные программы, партнерство, совершенствование библиотечных коллекций и материальное обустройство (пространство и оборудование) [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 103]. Анализ анкет показал, что опрошенные работники библиотек называли три наиболее распространенных направления, на которые ориентировались их учреждения: библиотечные программы; отношение, чувствительность и осведомленность сотрудников библиотеки; понимание особенностей и потребностей.

Самыми большими препятствиями для детей-инвалидов информанты назвали отношение сотрудников библиотеки, отсутствие библиотечных программ по обслуживанию инвалидов, физическое пространство библиотек (шум, освещение и т. д.). Причинами, по которым эти недочеты не устраняются, респонденты чаще всего называли недостаток знаний о том, как это сделать, ограниченность кадровых и финансовых ресурсов [Ibid., p. 106]. В интервью участники отмечали важность формирования партнерских отношений со специализированными организациями, детьми-инвалидами и их семьями для достижения целей открытости и доступности библиотек. Главное, на чем бы хотели сконцентрироваться библиотекари для решения вопроса открытости и доступности, – это обучение и развитие персонала [Ibid., p. 107].

Проанализировав интервью и анкеты, авторы статьи выделили шесть общих элементов, способствующих доступности и инклюзивности: *коллекции, материальное обустройство* (пространство и оборудование), *партнерство, программы, обучение и маркетинг*. Перечисленные элементы легли в основу модели публичной библиотеки, ориентированной на улучшение доступности для детей-инвалидов и их семей.

Выделенные элементы работают в контексте определенной управленческой среды (менеджмента), которая должна ориентироваться на поддержку инклюзивных программ как в финансовом отношении, так и с точки зрения планирования и осуществления политики доступности. Первый важный элемент модели – наличие в библиотеках специальных *коллекций*, предназначенных для использования детьми-инвалидами (в интервью информанты указали, что все библиотеки имеют такие коллекции). Но не все библиотеки соответствовали условиям *материального обустройства*, комфортного для инвалидов (пандусы, регулируемая мебель, адаптивное оборудование и т. д.). Сюда же относится ситуация с доступностью веб-сайтов: не все библиотеки, со слов информантов, приспособили свои сайты для использования людьми с ограниченными возможностями. Но почти все библиотеки, как показали анкеты, установили *партнерство* с организациями или внешними компаньонами, работающими с инвалидами. Запуск специальных библиотечных *программ* – наиболее сложный элемент, поскольку они должны отличаться друг от друга и нельзя создать одну-единственную идеальную программу, которая подходила

бы всем. Обучение персонала должно, по мнению информантов, решить многие вопросы, связанные с неумением работать с детьми с особыми потребностями. Наконец, большая роль отводится *маркетингу*, с помощью которого предполагается продвигать библиотечные ресурсы, технологии и услуги, предназначенные для людей с инвалидностью [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 107–112].

Основным недостатком своей модели, задающим пределы ее эвристических возможностей, авторы называют то, что она не включает самих детей с инвалидностью и их семьи. Другой недостаток – отсутствие рассмотрения отдельных видов инвалидности, фокусирование на физических ограничениях в целом. Эти недостатки, по мнению авторов статьи, необходимо преодолеть в дальнейших исследованиях [Ibid., p. 112].

В заключение отметим, что публичные библиотеки, как видно из обзора публикаций, стремятся ответить на вызовы современности, изменяя принципы своей работы в направлении большей открытости и инклюзивности. Одна из развилок, возникающая на этом пути, связана с тем, останется ли приоритетной традиционная роль библиотек как институтов хранения и передачи знания или же библиотеки все сильнее будут ориентироваться на создание модных, удобных и востребованных публичных пространств. С обозначенной дилеммой, пусть и с некоторыми вариациями, сталкиваются и научные библиотеки, в которых публичное пространство отличается определенной спецификой, в первую очередь нацеленностью на решение задач популяризации научных знаний и организации диалога между учеными и представителями широкой общественности. В то же время научные библиотеки имеют больше возможностей стать значимыми акторами цифровой коммуникации. Классическая модель комплектования и хранения фондов и обслуживания пользователей все в большей степени будет комбинироваться с развитием электронных пользовательских сервисов, а также с качественным расширением функционала, когда научная библиотека сможет взять на себя и функции агрегатора цифрового контента [Антопольский, 2020]. Разумеется, решение задач такого уровня под силу далеко не каждой научной библиотеке. Преимуществами будут обладать те из них, которые еще в «аналоговую» эпоху встали на путь трансформации в многофункциональные научно-информационные центры. В случае успешной реализации такой модели саму библиотеку можно будет рассматривать не только как социобиотехническую систему, но и как систему социобиотехническую [Kirikova, 2019], обеспечивающую новый уровень интеграции цифровых ресурсов (в не слишком отдаленном будущем – искусственного интеллекта), физических и социальных сущностей.

Список литературы

Антопольский, 2020 – Антопольский А.Б. Научная информация и электронное пространство знаний. М.: ИНИОН РАН, 2020. (В печати)

Вахштайн, 2005 – Вахштайн В.С. Возвращение материального: «пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.

Ефременко, Яницкий, Ермолаева, 2019 – Ефременко Д.В., Яницкий О.Н., Ермолаева П.А. О социобиотехнических системах // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 138–147.

Яницкий, 2016 – Яницкий О.Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социальная наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 3. С. 5–22.

Children and young people, 2013 – Children and young people with disabilities fact sheet. United Nations children's fund. N.Y., 2013. URL: https://www.unicef.org/disabilities/files/Fact-sheet_A5_Web_REVISED.pdf (дата обращения: 14.02.2020).

Darling, 2016 – Darling J. Defying the Demand to «Go home»: From Human Rights Cities to the Urbanization of Human Rights // Global Urban Justice: The Rise of Human Rights Cities / Ed. by B. Oomen, M.F. Davis, M. Grigolo. Cambridge: Cambridge university press, 2016. P. 121–138.

De Genova, Peutz, 2010 – De Genova N.P., Peutz N. Introduction // The Deportation Regime: Sovereignty, Space, and the Freedom of Movement / Ed. by N.P. De Genova, N. Peutz. Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 2–10.

Gandy, 2004 – Gandy M. Rethinking Urban Metabolism: Water, Space and the Modern City // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2004. Vol. 8. No. 3. P. 363–379.

Habermas, 1989 – Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Polity press, 1989. 301 p.

Hall, 2011 – Hall W. The Ever Evolving Web: The Power of Networks // International Journal of Communication. 2011. Vol. 5. № 1. P. 651–664.

Hill, 2013 – Hill H. Disability and Accessibility in the Library and Information Science Literature: A Content Analysis // Library and information science research. 2013. Vol. 35. No. 2. P. 137–142.

Holt, Holt, 2010 – Holt L.E., Holt G.E. Public Library Services for the Poor: Doing all we can. Chicago: American library association, 2010. 157 p.

IFLA/UNESCO public library manifesto, 1994 – IFLA/UNESCO public library manifesto. The international federation of library associations and institutions. The Hague, 1994. URL: <https://www.ifla.org/publications/iflaunesco-public-library-manifesto-1994> (дата обращения: 14.02.2020).

Ingraham, 2015 – Ingraham C. Libraries and their Publics: Rhetorics of the Public Library // Rhetoric Review. 2015. Vol. 34. No. 2. P. 147–163.

Jørgensen (ed.), 2010 – Irregular Migration in a Scandinavian Perspective / Ed. by M.B. Jørgensen. Maastricht: Shaker publishing, 2010. 343 p.

Kaeding, Velasquez, Price, 2017 – Kaeding J., Velasquez D.L., Price D. Public Libraries and Access for Children with Disabilities and their Families: A Proposed Inclusive Library Model // Journal of the Australian Library and Information Association. 2017. Vol. 66. No. 2. P. 96–115.

Kirikova, 2019 – Kirikova M. Challenges in Enterprise and Information Systems Modeling in the Contexts of Socio Cyber Physical Systems // Enterprise and Organizational Modeling and Simulation: 15th International Workshop, EOMAS 2019, Held at CAiSE 2019, Rome, Italy, June 3–4, 2019, Selected Papers / Ed. by R. Pergl, E. Babkin, R. Lock, P. Malyzhenkov, V. Merunka. Cham: Springer, 2019. P. 60–69.

Kranich, 2012 – Kranich N. Libraries and civic engagement // Library and book trade Almanac / Ed. by D. Bogart, B.J. Turock. Medford, NJ: Information today, 2012. P. 75–96.

Latour, 1991 – Latour B. Nous n'avons jamais été modernes. Essai d'anthropologie symétrique. Paris: La Découverte, «L'armillaire», 1991. 157 p.

Lundberg, Dahlquist, 2018 – Lundberg A., Dahlquist L. Sanctuary Practices in Scandinavian Transnational Cities: The Case of Public Libraries // Journal of Human Rights Practice. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 142–158.

Mccarthy, 2020, web – Mccarthy J. In U.S., Library Visits Outpaced Trips to Movies in 2019 // Gallup. 2020. January 24. URL: <https://news.gallup.com/poll/284009/library-visits-outpaced-trips-movies-2019.aspx> (дата обращения: 14.02.2020).

Pape, Smirnova, 2018 – Pape U., Smirnova A. Transforming the Public Sphere: The Case of Moscow's City Libraries // Cultural Studies. 2018. Vol. 32. No. 5. P. 772–799.

Patsias, Williams, 2014 – *Patsias C., Williams N.* Religious Sanctuary in France and Canada // *Sanctuary Practices in International Perspectives: Migration, Citizenship and Social Movements* / Ed. by R. Lippert, S. Rehaag. L.: Routledge, 2014. P. 175–188.

Small, Myhill, Herring-Harrington, 2015 – *Small R.V., Myhill W.N., Herring-Harrington L.* Developing Accessible Libraries and Inclusive Librarians in the 21st Century: Examples from Practice // *Accessibility for Persons with Disabilities and the Inclusive Future of Libraries* / Ed. by B. Wentz, P.T. Jaeger, J.C. Bertot. Bradford: Emerald group publishing, 2015. P. 73–88.

The principles of universal design, 1997 – The principles of universal design. Center for universal design. Raleigh, NC, 1997. URL: https://projects.ncsu.edu/ncsu/design/cud/pubs_p/docs/poster.pdf (дата обращения: 14.02.2020).

Watters, 2008 – *Watters C.* Refugee Children: Towards the Next Horizon. L.: Routledge, 2008. 214 p.

Widdersheim, 2015 – *Widdersheim M.M.* Governance, Legitimation, Commons: A Public Sphere Framework and Research Agenda for the Public Library Sector // *LIBRI*. 2015. Vol. 65. No. 4. P. 237–245.

Libraries at the stage of transition from the “Guttenberg galaxy” to the “Internet galaxy”. Analytical Review

Dmitry V. Efremenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 51/21 Nakhimovskiy Prospect, 117997, Moscow, Russian Federation; e-mail: efdv2015@mail.ru

Alexander Yu. Dolgov

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 51/21 Nakhimovskiy Prospect, 117997, Moscow, Russian Federation; e-mail: dolgovalexandr@yandex.ru

The review examines the functional transformation and rethinking of the mission of libraries in the context of the modern societal changes and the development of information and communication technologies. On the one hand, the traditional role of libraries as «knowledge storages» is supplemented by such tasks as defense of human rights and creating space for public life. On the other hand, libraries are becoming significant actors in the digital communication space. Thus, in order to respond to the demands of the times, libraries develop and provide new digital services, change their space to be more open for public life, focus on social inclusion and even act as defenders of civil rights and freedom. These processes and the library itself as a sociocultural phenomenon can be analyzed in various theoretical perspectives. As far as the activities of libraries affect the social, digital and physical aspects of the interaction of people and objects, it is assumed that in the future libraries can be described as sociocyberphysical systems.

Keywords: library, network, Internet, access to information, public space, inclusion, human rights

References

Antopolsky, A.B. *Nauchnaya informatsiya i elektronnoye prostranstvo znaniy* [Scientific information and electronic knowledge space]. Moscow: INION RAN, 2020. (In press). (In Russian)

Children and young people with disabilities fact sheet. United Nations children's fund. New York, 2013 [https://www.unicef.org/disabilities/files/Factsheet_A5_Web_REVISED.pdf, accessed on 14.02.2020].

Darling, J. "Defying the Demand to 'Go home': From Human Rights Cities to the Urbanization of Human Rights", in: *Global Urban Justice: The Rise of Human Rights Cities*, ed. by B. Oomen, M.F. Davis, M. Grigolo. Cambridge: Cambridge University Press, 2016, pp. 121–138.

De Genova, N.P., Peutz, N. Introduction, in: *The Deportation Regime: Sovereignty, Space, and the Freedom of Movement*, ed. by N.P. De Genova, N. Peutz. Durham, NC: Duke University Press, 2010, pp. 2–10.

Efremenko, D., Ermolaeva, P., Yanitsky, O. "O sotsiobiotekhnicheskikh sistemakh" [On Sociobiotechnical Systems]. *Voprosy filosofii*, 2019, no. 5, pp. 138–147. (In Russian)

Gandy, M. "Rethinking Urban Metabolism: Water, Space and the Modern City", *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, 2004, vol. 8, no. 3, pp. 363–379.

Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge: Polity press, 1989. 301 pp.

Hall, W. "The Ever Evolving Web: The Power of Networks", *International Journal of Communication*, 2011, vol. 5, no. 1, pp. 651–664.

Hill, H. "Disability and Accessibility in the Library and Information Science Literature: A Content Analysis", *Library and information science research*, 2013, vol. 35, no. 2, pp. 137–142.

Holt, L.E., Holt, G.E. *Public Library Services for the Poor: Doing all we can*. Chicago: American library association, 2010. 157 pp.

IFLA/UNESCO public library manifesto. The international federation of library associations and institutions. The Hague, 1994 [<https://www.ifla.org/publications/iflaunesco-public-library-manifesto-1994>, accessed on 14.02.2020].

Ingraham, C. "Libraries and their Publics: Rhetorics of the Public Library", *Rhetoric Review*, 2015, vol. 34, no. 2, pp. 147–163.

Irregular Migration in a Scandinavian Perspective, ed. by M.B. Jørgensen. Maastricht: Shaker publishing, 2010. 343 pp.

Kaeding, J., Velasquez, D.L., Price, D. "Public Libraries and Access for Children with Disabilities and their Families: A Proposed Inclusive Library Model", *Journal of the Australian Library and Information Association*, 2017, vol. 66, no. 2, pp. 96–115.

Kirikova, M. "Challenges in Enterprise and Information Systems Modeling in the Contexts of Socio Cyber Physical Systems", in: *Enterprise and Organizational Modeling and Simulation: 15th International Workshop, EOMAS 2019, Held at CAiSE 2019, Rome, Italy, June 3–4, 2019, Selected Papers*, ed. by R. Pergl, E. Babkin, R. Lock, P. Malyzhenkov, V. Merunka. Cham: Springer, 2019, pp. 60–69.

Kranich, N. "Libraries and civic engagement", in: *Library and book trade almanac*, ed. by D. Bogart, B.J. Turock. Medford, NJ: Information today, 2012, pp. 75–96.

Latour, B. *Nous n'avons jamais été modernes. Essai d'anthropologie symétrique*. Paris: La Découverte, «L'armillaire», 1991. 157 pp.

Lundberg, A., Dahlquist, L. "Sanctuary Practices in Scandinavian Transnational Cities: The Case of Public Libraries", *Journal of Human Rights Practice*, 2018, vol. 10, no. 1, pp. 142–158.

Mccarthy, J. "In U.S., Library Visits Outpaced Trips to Movies in 2019", *Gallup*, 2020, January 24 [<https://news.gallup.com/poll/284009/library-visits-outpaced-trips-movies-2019.aspx>, accessed on 14.02.2020].

Pape, U., Smirnova, A. "Transforming the Public Sphere: The Case of Moscow's City Libraries", *Cultural Studies*, 2018, vol. 32, no. 5, pp. 772–799.

Patsias, C., Williams, N. "Religious Sanctuary in France and Canada", in: *Sanctuary Practices in International Perspectives: Migration, Citizenship and Social Movements*, ed. by R. Lippert, S. Rehaag. L.: Routledge, 2014, pp. 175–188.

Small, R.V., Myhill, W.N., Herring-Harrington, L. "Developing Accessible Libraries and Inclusive Librarians in the 21st Century: Examples from Practice", in: *Accessibility for Persons with Disabilities and the Inclusive Future of Libraries*, ed. by B. Wentz, P.T. Jaeger, J.C. Bertot. Bradford: Emerald group publishing, 2015, pp. 73–88.

The principles of universal design. Center for universal design. Raleigh, NC, 1997 [https://projects.ncsu.edu/ncsu/design/cud/pubs_p/docs/poster.pdf, accessed on 14.02.2020].

Vakhshtayn, V. "Vozvrashcheniye material'nogo: 'prostranstva', 'seti', 'potoki' v aktorno-setevoy teorii" [The Return of Material: "Spaces", "Networks", "Flows" in Actor-Network Theory], *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2005, vol. 4. no. 1, pp. 94–115. (In Russian)

Watters, C. *Refugee Children: Towards the Next Horizon*. London: Routledge, 2008. 214 pp.

Widdersheim, M.M. "Governance, Legitimation, Commons: A Public Sphere Framework and Research Agenda for the Public Library Sector", *LIBRI*, 2015, vol. 65, no. 4, pp. 237–245.

Yanitsky, O.N. "Sotsiobiotekhnicheskiye sistemy: novyy vzglyad na vzaimodeystviye cheloveka i prirody" [Sociobiotechnical Systems: A New Approach to Humanity-Nature Interaction], *Sotsial'naya nauka i sotsial'naya praktika*, 2016, vol. 4, no. 3, pp. 5–22. (In Russian)